

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

«ОПРОШЕННЫЙ, СПУСТИВШИЙСЯ НА АЭРОПЛАНЕ...»

Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера)*

В октябре 1919 года было приступлено к формированию частей особого назначения из батاليонов Ч.К. (находились при губернских чрезвычайках и играли роль жандармских войск) и из коммунистов, служивших в гражданских учреждениях; назначение частей «особого назначения» — подавление восстаний и охрана в опасные моменты советских учреждений. Сила частей особого назначения — баталион или полк на губернию. В Москве имеется штаб по формированию этих частей, состоящий исключительно из партийных работников.

Формирование специальных партизанских частей началось ещё в октябре, и отправка некоторых из них по неизвестным маршрутам имела место в половине ноября. О том, что пополнение убыли, громадной даже в период успехов, ведётся мобилизованными 16-ти летнего возраста, Строев не слышал. Мобилизация в занятых районах, в целях обеспечения тыла, производится после известного промежутка времени, в который население подвергается соответствующей обработке. В занятых районах берутся только добровольцы и сочувствующие советской власти (что делается в настоящее время в Сибири).

СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕЗЕРВОВ на Южном фронте, по данным к началу декабря, не было, в силу проведения в жизнь методов вливания всех освобождающихся частей прямо на линию фронта; роль стратегических резервов играют перебрасываемые с восточного и других фронтов войска. В последнее время о перебросках на южный фронт Строев не слышал и предполагает, что часть перебросок идёт на западный фронт. Переброски с Восточного фронта на Южный тянутся уже с июля месяца, и количество свободных там войск не может быть велико.

III. КОМАНДНЫЙ СОСТАВ И ЕГО ПОДГОТОВКА. Вопрос этот в Красной армии по-прежнему больной. Инструкторские школы разных специальностей, которых набралось до 70-ти, выпускают красных офицеров, не пользующихся в частях

особым почётом и авторитетом (всегда предпочитают «бывших офицеров»); подготовка слаба, исключая строевой, которая приближается к уровню прежних ускоренных курсов училищ. В программе, кроме введения военной психологии и чтения политических лекций, серьезных изменений нет.

Академия Генштаба сформировалась полностью заново после потери вывезенной в Екатеринбург. Состав лекторов, в общем, не блестящий. Основная работа профессуры — изучение германской войны — выводов из опытов гражданской войны не производилось (исключение — военная география, включившая в программу довольно поверхностное описание театров гражданской войны); новые предметы: авиация, психология и политические лекции. Начата разработка военно-политических вопросов в контакте с наиболее видными работниками Московского университета. Положение старого офицерства в Красной армии в связи с постепенным налаживанием дисциплины стало несколько лучше, хотя и теперь очень часты случаи «ворчания за спиной» со стороны красноармейцев, когда их подтягивают. Доверие к командному составу из старого офицерства стало несколько больше, и своих начальников красноармейцы больше любят, чем комиссаров. К познаниям красного офицерства доверия нет. Вождями масс являются командиры из бывших начальников партизанских и красногвардейских отрядов, особенно в тех случаях, когда начальники являются земляками хотя бы небольшой части своих подчинённых. Подобного рода причины объясняют¹ и обаяние Будённого. Необходимо отметить, что при определённом отрицательном отношении к большевизму охота работать у старого офицерства увеличивается; объясняется это тем, что техники постепенно втягиваются в то дело, которому они себя посвятили. Кроме того, стали видны определенные результаты строительства Красной армии, что также имеет на многих подбадривающее влияние. Наконец, распространение Красной армии к бывшим государственным границам, самый характер этой армии, состоящей, как и встарь, преимущественно из мобилизованного крестьянства и служилого офицерства, от-

рицательное отношение красноармейских масс к коммунизму, — все это заставляет часть офицерства думать, что Красная армия решает национальную задачу объединения России, на свержение которого (коммунизма. — А. Г.) в подходящий момент надежда отнюдь не потеряна.

Вопрос об уничтожении института комиссаров принципиально принят (доклад Троцкого на 7-м съезде советов)²; по некоторым данным можно судить, что мера эта будет проведена постепенно, взамен комиссаров будут помощники командармов по политической части (должность уже введена в штабе под названием «политический руководитель»).

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ: главком — бывший генштаба полковник С. С. Каменев, на[чальник] шта[ба] реввоенсовета: генштаба ген.-майор П. П. Лебедев, его помощник б[ывший] генштаба ген.-майор Г. Н. Хвощинский³, нач[альник] операт[ивного] отдел[а] генштаба ген.-майор [В. И.] Михайлов. Реввоенсовет республики в октябре получил новую организацию с распределением функций между его членами: главком, оперативная часть, причём военкомом штаба является член реввоенсовета [С. И.] Гусев (старый партийный работник); его помощник, не состоящий членом совета — [К. Х.] Данишевский⁴. Снабжение — [А. И.] Рыков; Троцкий — председатель, ведал преимущественно организационной частью, разъезжая по фронтам, принимая иногда, как это было под Казанью и Петроградом, непосредственное участие в боях⁵. Троцкий весьма популярен, даже среди близко стоящего к центру бывшего генералитета и офицеров генштаба. Последние говорят, что Россия чуть ли не впервые получила настоящего военного министра. Популярность его вызывается прежде всего тем, что он требует только дела, быстро схватывает лучшее из предлагаемых ему предложений и проявляет железную волю и настойчивость при проведении принятых проектов в жизнь, совершенно не считаясь с партийными предрассудками и мнениями, если они могут быть в ущерб делу. К офицерству относится хорошо, и только он один поддерживает его.

Так, при нашем успешном наступлении на север, когда масса офицеров переходила на нашу сторону, то все комиссары

*Окончание. Начало см.: Родина. 2012. № 12. Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.». Выражаю благодарность за консультацию известному исследователю истории отечественных ВВС М. А. Хайрулину.

требовали проявления кровавого террора по отношению к офицерству, служащему в Красной армии и удалению их из последней, и только лишь один Троцкий убедил их, что применять террор к оставшимся офицерам на советской службе бессмысленно, так как все те, кто остался, искренно преданы советской власти и они явятся той твердой скалой, на которой будет построена сильная революционная армия.

Склянский, заместитель Троцкого, руководит работами трудовых органов военного комиссариата; уважением он не пользуется.

Гусев выдаётся знанием военного дела, Рыков — работник с размахом, но иногда делает ошибки вследствие недостаточного знакомства с делами. Главком Каменев с начальником штаба Лебедевым отмечаются исключительной работоспособностью и являются единственными руководителями стратегических операций, по-видимому, хорошо постигшими особенности гражданской войны.

Реввоенсовет 1-ой конной армии: Командарм [С. М.] Будённый (до сих пор упорно не хочет записываться в коммунисты⁶), [К. Е.] Ворошилов и [Е. А.] Щаденко⁷. Начальник штаба был [В. А.] Погребов, недавно смещённый за пьянство; в передовой летучке штаба (Будённый, Ворошилов и несколько человек работников, помещающихся в одном вагоне) обязанности начальника штаба исполняет некто [С. А.] Зотов, не производящий впечатления человека с достаточной военной эрудицией.

IV. СНАБЖЕНИЕ И ТРАНСПОРТ. При всём недостатке средств в совдепии, снабжение следует считать поставленным хорошо. Причины этому: 1) строгая централизация снабжения, Рыков недавно выступил с проектом объединения в руках одного органа военной промышленности и военных складов, 2) своевременно (ещё до германского мира) начатый учёт и описание военного имущества, остатки которого ещё до сих пор поступают из складов, 3) налаживание полуразрушенной военной промышленности и покровительство ей предпочтительно перед другими отраслями и производствами (снабжение в первую голову материалами и топливом, перевод рабочих наиболее нужных заводов на красноармейский паёк⁸ и т. д.), 4) применение в тылу армии комиссионного способа заготовок, не считаясь с твёрдыми ценами, 5) резкие меры против злоупотреблений. Из характерных примеров можно указать на поднятие производства (так в документе. — А. Г.) Тульских заводов, выпускающих ныне до 20–30 тысяч винтовок и до 2-х тысяч пулемётов в месяц и на быстрое восста-

М. П. Строев (Рихтер).
Журнал «Крылья Родины». 1958 г.
Фото предоставлено М. А. Хайрулиным.

новление (пока в небольших размерах) работы Ижевских заводов. Недостаток, конечно, ощущается во всём, особенно в артиллерии, патронах и санитарной части, но всё же можно сказать, что вопросы снабжения Красную армию к кризису не приводят.

Значительную поддержку оказало имущество, захваченное у Адмирала [А. В.] Колчака. Помощи в снабжении извне в сколько-нибудь заметных размерах нет. Строев имел лишь сведения о контрабанде, привезённой в Петроград из Швеции (шведские спички и медикаменты, вооружения же и снаряжения не было), были сведения о перевозках из Баку бензина в небольших размерах и притом контрабандой.

Отрицательную роль в вопросах снабжения играет состояние транспорта. Процент больших паровозов всё увеличивается; захватываемый подвижной состав, конечно, более чем недостаточен для обслуживания огромной сети путей в завоёванной территории. В классных вагонах острый недостаток; товарных — на наличное число перевозок. Топлива для железных дорог в целом, говорят, достаточно, но дрова сырые, а отсутствие излишка приводит к недостатку топлива то на одном, то на другом участке. Вывоз донецкого угля налаживается слабо и лишь в малой степени облегчит остроту положения, так как главную роль играет недостаток паровозов.

V. ДИСЦИПЛИНА В КРАСНОЙ АРМИИ. Дисциплина в частях постепенно налаживается, причём главным средством к её заведению являются репрессивные меры; агитация и работа коммунистических ячеек играют роль лишь в тыловых частях. С пьянствами и грабежами на фронте

борются расстрелами, дисциплинарный устав никого не удовлетворил и не выполняется; так, например, аресты даются в произвольном размере: ещё и теперь бывают наложения⁹ денежных штрафов и т. п. Имеется положение о ротных и полковых судах (дисциплинарного характера), но можно с уверенностью сказать, что эти суды организованы в тыловых частях, да и то не везде. В общем можно считать, что значительная часть (примерно четверть) Красной армии уже приобрела характер регулярных войск, но всё-таки, в общем приходится управлять войсками, базирясь более всего на принципе психологии толпы, а не психологии организованной и дисциплинированной армии. Так, настроение войск в связи с успехом хорошее; порыв вперёд, безусловно, есть, но главную роль в этом играет не столько агитация, сколько желание скорее закончить войну.

VI. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА. Основой стратегии, приведшей к успехам на восточном, затем, и на южном фронтах, является использование психической инерции масс; сначала для нанесения удара прилагаются все силы и средства с вводом в боевую линию всех находящихся под рукой частей, а затем, как только масса двинулась, все внимание обращается на своевременное вливание пополнений и резервов, большей частью из заканчивающих формирование частей; при этом абсолютно не считаются с неготовностью формирований, лихорадочно срывая их с места и бросая непосредственно в бой.

О вопросах снабжения при этом, если и думают, то, во всяком случае, не останавливая боевых операций из-за отставания обозов, представляя войскам снабжаться добычей и местными средствами. Вдохновителями подобного рода действий являются, очевидно, Главком Каменев и начштаба Лебедев и, видимо, Гусев. Второй особенностью действий является систематическая организация восстаний в тылу у противника. В этом отношении необходимо отметить возможность движения в настоящее время в Бакинском районе, о котором говорилось и писалось очень много и которое может получить развитие как следствие ведущейся агитации, так и ввиду заинтересованности рабочих в скорейшем открытии дороги для экспорта нефти.

Фортификационных работ для закрепления захваченного ныне красными пространства не производится; «укреплённые районы» одно время были в большой моде, и даже при штабе реввоенсовета республики имелось центральное управление, но действительность разочаровала руководящие круги в пользу этих районов при современных условиях войны.

В отношении тактики пехоты, кроме того, что боевые действия привязывают к жел[езным] дор[огам] и телеграфным линиям, а также населённым пунктам, ничего нового, особенно в положительном смысле, нет; красная пехота и хуже обучена и хуже действует, чем любая из её противников.

Особо стоит вопрос о тактике конных масс; правда, метод опытов, по-видимому прост, но на самом деле в действиях Буденного виден очень тонкий расчёт. Так, задаваемые рубежи, как слышал Строев, всегда достигались войсками, и зачастую даже переходились ими. Кроме того, заслуживает внимания комбинация действий конницы с приданной ей пехотой, которая придает устойчивость боевому порядку и закрепляет захваченное конницей.

Штабная работа везде налажена нормально, лишь в армии Будённого штаб только что организован. Связь налажена посредственно.

В общем итоге большим местом Красной армии является её стадный характер, вызываемый недостаточной подготовкой спешно бросаемых на фронт частей и командным вопросом; всё делается немногими частями, имевшими возможность сколотиться в сравнительно спокойной обстановке и случайно получивших начальников с природными данными полководцев. Эти части и тянут за собой всю остальную толпу.

Командный состав, особенно бывшее офицерство, успешно пойдёт на агитацию, но при условии облегчения его перехода и обстоятельств сдачи в плен (опасение расстрела при пленении и перспектива суда). Что касается агитации среди красноармейцев, то, по словам Строева, она в настоящее время едва ли может рассчитывать на особый успех, пока обещаемое не будет подтверждено фактами (разрешение аграрного вопроса, прекращение расстрелов и разделение пленных), во всяком случае, большевики на словах всегда смогут наобещать массам больше и этим успешнее будут бороться с нашей агитацией.

VII. ПРИЧИНЫ УСПЕХОВ КРАСНОЙ АРМИИ. 1) Сдача большевиками некоторых позиций и заигрывание с теми политическими кругами, которые нужны им для победы в данный момент. 2) Правильное понимание психики масс, выразившееся в безостановочном наступлении, хотя бы и в ущерб теоретическим правилам. 3) Систематическая и широко поставленная агитация. 4) Исключительная организационная работа и энергия большевиков. 5) Агитация соглашателей, призывающих к поддержке большевиков на фронте.

Самой же главной причиной успеха

большевиков, по словам Строева, являются промахи их противников: а) возвращение земли помещикам, о котором стало сразу известно всему крестьянству, являющемуся подавляющей массой Красной армии; б) грабежи и насилия добровольцев, заставляющих население выбирать из двух зол меньшее (большевиков); в) быстрое растворение сравнительно небольших кадров добровольцев в огромной массе мобилизованных, на настроениях которых решение аграрного вопроса и должно было прежде всего сказаться.

VIII. РОЛЬ ГЕРМАНИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. Ни одного красноармейца с винтовкой и каской Строев в Красной армии не видел. Офицеров германского Генерального штаба в Красной армии, по его словам, нет¹⁰. Немецких войск, присланных из Германии, также нет. Есть интернациональные бригады, составленные из военнопленных немцев — чисто идейных большевиков, для которых чужды интересы своего. Что же касается разрушения, происходящего¹¹ в настоящее время, русской промышленности, то это обстоятельство весьма удовлетворяет немцев, так как их мечта в будущем экономически поработить Россию, и в этом отношении немцы работают всюю. Вся их энергия, по словам Строева, затраченная в Прибалтике, заключается в том, чтобы к моменту восстановления в России, она (Германия. — А. Г.) хотя бы небольшим кусочком земли непосредственно граничила бы с Россией.

IX. ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ В ДАННОЕ ВРЕМЯ. По мнению Строева: 1) красные остановились на линии Дона с целью подтянуть свои тылы. 2) Если подтвердится переброска новых сил на Царицынское направление, то со стороны красных следует ожидать двойного удара в общем направлении на ст. Тихорецкая с задачей — открыть дальнейшую дорогу на Баку. 3) Вопрос боевых действий против красных сводится к тому, чтобы прежде всего нанести поражение сравнительно небольшому числу отборных частей противника (конная армия Буденного), не обращая особого внимания на остальные войска, даже в случае частичного их успеха.

X. ДОКЛАД ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, составленный на основании показаний Строева, будет представлен дополнительно.

П[одлинный] п[одписал] за начальника разведывательного отделения

Полковник Дрон

Подпоручик Никольский

Архив Гуверовского института (Hoover institution archives, Stanford university).

Pavel A. Koussonsky collection. Box 10.

Folder 42. Подлинник. Машинопись.

Документ 2. Автобиография М. П. Строева (Рихтера). 24 апреля 1948 года.

Копия

АВТОБИОГРАФИЯ

Отец мой — из мещан, 14 лет начал службу телеграфистом и, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, кончил начальником почтовой конторы. Закончил он только двухклассное училище, но был грамотным человеком; отлично знал языки, поскольку дед его по отцу был выходцем из Саксонии, бабка — полька, а мать — француженка. Сам он считал себя русским, по-русски говорил безукоризненно, по религии — православный. Мать русская; дед мой по матери, видимо, происходил из помещичьей семьи, в период восстания декабристов был забрит в солдаты, с лишением прав. Отпущен он был с военной службы только при Александре II и то — в звании ефрейтора. Фамилия отца была Рихтер; поскольку она не соответствовала фактическому положению дела, ещё в 1912 году было возбуждено ходатайство о перемене фамилии, удовлетворённое только после начала Первой мировой войны.

Учёбу я начал в духовном училище и продолжал в семинарии; учился отлично, но, почувствовав отвращение к богословию и философии, ушёл из 4 класса дух[овной] семинарии и через 5 месяцев сдал экстерном на аттестат зрелости при 1-й Киевской гимназии. Успешность подготовки (более половины пятёрок на экзаменах), особенно по математике, привела меня на математическое отделение физ[ико-]матем[атического] факультета Киевского университета. Пребывание в университете (1905–1906 гг.) было периодом моего политического развития. Я включился в движение революционно настроенной молодёжи в армию и поступил в Киевское военное училище. В училище вскоре попался (на пустыке) и удержался только благодаря начальнику его, боевому генералу [Л. И.] Коссовичу, которого как раз в это время увольняли за либерализм. О продолжении агитационной работы в дальнейшем не могло быть и речи, я втянулся в военное дело и полюбил его, сохраняя революционные традиции до нового подъёма.

Предвидя войну с Германией и будучи воспитан русскою прогрессивною литературою в духе нелюбви к немецким культуристам, усиленно готовился к войне, закончив первым и военное училище и военную академию (с Лееровскою премией и принятием к изданию дипломной работы). После окончания академии (в мае 1914 года) взял вакансию в штаб войск гвардии и Петербургского военно-

го округа, работа в котором вскоре была оборвана начавшейся войной.

Штабную работу на фронте (по оперативной части и связи) совмещал с боевыми полётами в качестве наблюдателя в отрядах [П. Н.] Нестерова (XI корпус[н]ом), [А. С.] Воротникова (IX корпус[н]ом) и [С. А.] Бойно-Родзевича (XVIII корпус[усном]). Используя каждую возможность, непосредственно участвовал в боевой работе всех родов войск, кроме танков, которых тогда не было; несколько раз участвовал в атаках, в разных условиях обстановки. В период службы в штабах пехотных дивизий, когда поездки на аэродром были затруднены, я много поработал с воздухоплавателями и был одним из пионеров фотограмметрического дела. За первые 14 месяцев войны получил все боевые награды, какие только мог получить молодой офицер, в том числе офицерского «Георгия» (4-й степени) и дважды — Георгиевское («золотое») оружие (случай исключительный, так как Георгиевское оружие, присуждавшееся, как и орден Георгия, специально собиравшемуся георгиевскою думою, можно было получить только один раз, произошло это в связи с переходом из одной армии в другую и представлением к награде за боевую работу в новой армии прежде, чем собиралась дума в старой армии).

Осенью 1916 года, будучи переутомлён и контужен во время Брусиловского наступления, подлежал эвакуации для лечения, но подал ходатайство о назначении преподавателем в только что организованную [военную] школу лётчиков-наблюдателей в Киеве. Вместо этого получил от тогдашнего «полевого генерал-инспектора авиации» (б. великий князь Александр Михайлович) предложение — занять у него должность штаб-офицера генштаба. Фактически это была должность начальника штаба, которую я и исполнял затем до декабря 1917 года под разными штатными названиями (генерал для поручений, начальник авиационного отдела в полевом управлении авиации и воздухоплавания). Свой первый педагогический опыт в школе лётнабов я всё-таки осуществил в конце 1916 года и начале 1917 года — в порядке совместительства.

После февральского переворота был крепким оборонцем, изыскивая новые формы управления армией и авиацией. Был одним из тех активных работников центра, которые на фоне общего разложения армий и упадка снабжения самолетами сумел[и] в 1917 году поднять боеработу русской авиации в борьбе с немецким империализмом более, чем на 20 процентов. В частности, я был одним

Аэроплан «Фарман-30».

Фото предоставлено М. А. Хайрулиным.
На аэроплане такого типа Строев совершил вынужденную посадку в 1920 г.

из организаторов и участников 1-го Всероссийского авиасъезда, собранного вопреки запрещению Керенского и ставки и вынесшего много полезных постановлений по упорядочению организации и работы авиации, ее школ, снабжения и «промышленности». Открыто выступал против «офицерского союза» и сыграл немалую роль в борьбе с корниловским путчем, доказывая офицерам безнадежность бунта и организуя подпольным методом сопротивление солдатских масс в самом Могилёве; делалось это вне связи с большевиками, организация которых в Могилёве отсутствовала в связи с особым вниманием, уделенным борьбе с большевизмом контрреволюционным офицерством (не без участия, конечно, комиссаров Временного правительства при Ставке). В результате подвергся бойкоту со стороны большей части офицеров Ставки и мелким служебным ограничениям вроде задержки присвоения очередного военного звания (по этой причине, а также потому, что на генштабистов не распространялось правило об ускоренном присвоении званий за боевые полёты, я кончил Первую мировую войну капитаном, занимая должность с правами начальника дивизии).

После Октябрьского переворота я стал оборонцем в квадрате и, продолжая оставаться на старой должности в Могилёве, провёл некоторые меры, облегчившие в дальнейшем спасение значительной части фронтового авиационного и начального строительства красного воздушного флота; в частности, большую роль сыграла директива о стягивании авиасредств к фронтовым авиапаркам, бывшими опорными точками большевизма в старой авиации. При первой возможности установил связь с петроградскими организациями воздушного флота и в декабре 1917 года был назначен членом организуемой «Всероссийской коллегии по управлению воздушным флотом республики». Преды-

дущая служба в полевом управлении авиации и воздухоплавания дала мне школу работы в общегосударственном масштабе, уроки которой были успешно использованы после Октября, с учетом новых задач и новой обстановки. Поскольку в то время почти все крупные специалисты воздухофлота саботировали, а новые работники были неопытны, мне пришлось лично провести напряжённую работу в центре по начальному строительству Красной авиации — начиная от радикальной реорганизации «Главвоздухфлота» и кончая составлением первого советского наставления по боевому применению авиации. Основные организационные установки по этой работе я получил лично от товарища Ленина. В дальнейшем мне пришлось вести борьбу с мелкобуржуазною группировкою авиарботников, связанной с Троцким и потерявшей влияние на дела воздухофлота только после партийной чистки 1922 года. Перестав играть ведущую роль в руководящем аппарате авиации, я в дальнейшем чередовал боеработу на фронтах гражданской войны с работой в центре. Первое назначение на фронт — в Царицын — было оформлено в июле 1918 года¹³. В Царицыне я находился в непосредственном подчинении товарища Сталина, который был не только председателем Реввоенсовета, но и единственным специалистом штаба «Севкавказского» по руководству авиацией.

Работа моя во время гражданской войны протекла только в авиации, исключая небольшой период в 1919 году, когда я в качестве представителя главкома организовывал сначала общую, а затем воздушную оборону Тульского укрепленного района; при этом было сформировано ядро стрелковой дивизии и кавалерийский отряд, развернувшийся впоследствии в 11-ю кавдивизию 1-й Конной армии.

В январе 1920 года, находясь в рядах 1-й Конной армии, имел вынужденную посадку в расположении белых (при остановке мотора в неприятельском тылу удалось дотянуть только до передовой заставы белых, казаки которой были без погон и кокард и называли себя бойцами одного

из полков 1 конармии). Мне удалось уцелеть вместе с товарищем по несчастью лётчиком Шурыгиным¹⁴ только благодаря совпадению случайностей, а главным образом, благодаря тому, что денкининщина в то время переживала под ударами Красной армии свою последнюю агонию. Не получив передышки после кошмарных переживаний плена, я продолжал работу на фронте до осени 1920 года, когда был назначен преподавателем, а затем начальником кафедры воздухфлота в Военной академии РККА. Здесь занялся специализацией и обобщением опыта боевого использования авиации по взаимодействию с войсками.

В конце 1923 года получил назначение начальником штаба ВВС; в мае 1924 года внезапно свалился в результате тяжёлого отравления центральной нервной системы, едва не закончившегося смертельным исходом и надолго ослабившего силы. Выжил благодаря тому, что Советская власть дала мне в течение ряда лет совершенно исключительные условия лечения и отдыха, поддерживая одновременно работую волю к жизни.

С декабря 1924 года я перешёл на педагогическую деятельность в Военной воздушной академии им. Жуковского, с которым был связан ещё ранее, участвуя в военизации «Института инженеров воздушного флота» в 1921–1922 годах и состоя с весны 1923 года председателем военно-научного общества академии (общество это имело общегосударственный характер, в частности, в деле развития планеризма в СССР). Не взирая на болезненное состояние, удалось с места ликвидировать прорыв на только что сформированном командном факультете академии и создать зачатки теории боевого использования авиации в разрезе,

необходимом боевому командиру ВВС, а в дальнейшем повторить ту же работу на инженерном факультете под углом зрения требований тактики к конструкции самолетов.

С конца двадцатых годов началась борьба с «дуэтизмом»¹⁵ в области боевого применения авиации и преждевременным применением в самолётостроении. Борьба эта кончилась переводом моим на кафедру истории.

К 1938 году моя работоспособность заметно восстановилась, я вновь возвратился к преподаванию тактики ВВС, а в 1940 году получил командировку на фронт борьбы с белофиннами, где достаточно ознакомился с современным состоянием и боерботою ВВС, а заодно успел побывать в войсках при прорыве линии Маннергейма. Вскоре по возвращении с Карельского перешейка занял должность начальника кафедры тактики ВВС и общей в академии им. Жуковского.

На фронт Отечественной войны мне удалось, несмотря на все усилия, получить назначение только в начале апреля 1943 г. и то на должность отнюдь не ответственного характера. Однако мне

привелось неоднократно руководить бое-работою ВВС — частью в составе коллектива, частью же единолично, в том числе три раза действиями морской авиации. Параллельно проводились опытные организации авиационного тыла в тактическом масштабе и систематическое посещение позиций.

С августа 1944 года — работа по организации и руководству военными кафедрами авиаинститутами на должности в ГУУЗе¹⁶ Министерства авиапромышленности. Пребывание в последнем облегчило мне ознакомление с основами будущей авиатехники и позволило, пока начерно, свести в систему боевой опыт прошлого с перспективами боевого использования ВВС в будущем.

Гв[ардии] генерал-майор авиации
СТРОЕВ

«24» апреля 1948 г.

копия верна

НАЧАЛЬНИК ВОЕННОЙ КАФЕДРЫ

Генерал-майор авиации Некрасов

«28» апреля 1948 г.

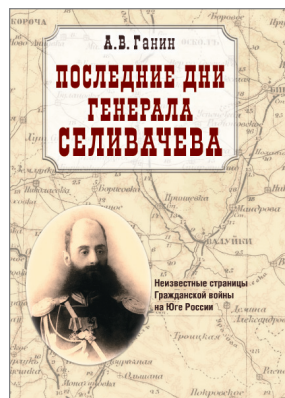
РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 84. Л. 7–8 об.
Заверенная машинописная копия.

Примечания

1. В документе несогласованно — «объясняются».
2. VII Всероссийский съезд Советов проходил 5–9 декабря 1919 г. в Москве. Председатель РВСР Л. Д. Троцкий 7 декабря выступил на съезде с победным докладом о военном положении «Наше военное строительство и наши фронты». Среди прочего Троцкий заявил о возможности в будущем перейти к единоначалию в РККА. О том, что этот вопрос является решённым, как отмечено в документе, Троцкий не говорил.
3. В документе ошибочно — Г. П. Хвошинский.
4. В документе ошибочно — Данилевский.

5. Имеется в виду руководство боевыми действиями.
6. На самом деле Буденный вступил в РКП(б) в 1919 году и формально вёл партийный стаж с 19 марта 1919 г. См.: Буденный С. М. Пройденный путь. Кн. 1. М. 1958. С. 341.
7. В документе ошибочно — Шенченко.
8. Автор документа не указывает, что красноармейский паёк необходимо было отработать фактически в условиях близкой к военной дисциплины на предприятии.
9. В документе ошибочно — положения.
10. На самом деле отдельные иностранные генштабисты служили в РККА. Например, полковник германской службы И. И. Лелль, окончивший германскую академию в 1900 г. и служивший в РККА в 1920–1921 гг.//РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 26 об.; Ф. 6. Оп. 4. Д. 937. Л. 25 об.
11. В документе ошибочно — происходящей.
12. В документе ошибочно — Х1III.
13. В Царицын Строев прибыл 23 августа 1918 г.
14. В документе ошибочно — Шурыжным.
15. Речь идёт о доктрине итальянского генерала Джулио Дуэ о возможности достижения победы в войне силами авиации. Подробнее см.: Дуэ Дж. Господство в воздухе. СПб. 2003.
16. Главное управление учебных заведений.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачёва: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. — М.: Кучково поле, 2012. — 320 с.: ил.

Монография посвящена неизвестным событиям истории советского наступления на Южном фронте в августе–сентябре 1919 года и роли в них выдающегося отечественного военного деятеля начала XX в. бывшего генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Селивачёва. В ходе наступления жизнь Селивачёва, командовавшего одной из двух ударных групп Южного фронта РСФСР, трагически оборвалась при загадочных обстоятельствах. В белом лагере считалось, что Селивачёв сознательно сорвал операцию красных, поскольку был тайным противником большевиков, за что и поплатился жизнью. В лагере красных одни считали его героем, другие — потенциальным изменником. Автором предпринята попытка на основе широкого круга документальных материалов, значительной части которых никогда прежде не касалась рука исследователя, приоткрыть завесу тайны над произошедшими событиями. В работе впервые детально проанализированы жизненный путь Селивачёва, ход боевых действий на фронте группы Селивачёва и обстоятельства разгрома 8-й советской армии белыми. В издании публикуются прежде неизвестные уникальные

документы из архива семьи Селивачёвых. Исследование адресовано широкому кругу читателей, интересующихся военным прошлым нашей страны.

В Москве приобрести книгу можно в магазине «Русское зарубежье»: ул. Нижняя Радищевская, д. 2. <http://www.kmrz.ru>. Телефоны: +7 (495) 915-1145, 915-2797. Заказ книги в издательстве: <http://www.kpole.ru>.